

Понятие "монастырь" для простого, невоцерковленного человека содержит некую светлую тайну. И хотя бывшие властители в наказание запирали в монастырских стенах своих неугодных родственников или близких, а в народе придумали выражение "подвести под монастырь", означающее большие житейские неприятности, всё равно в глубине души у мирян всегда жило невольное благоговение перед теми, кто вступил на путь служения Богу.

Фото Андрея САСИНА.

НЕБЕСНОЕ

ПОДВОРЬЕ

Времена стремительно меняются. Человечество технически прогрессирует год от года. Люди вырвались в космос и проникли в самую суть собственной души, дали названия почти всем природным явлениям и объяснения практически всем душевным порывам, но так и не смогли приблизиться к великой тайне, имя которой Бог. Для многих это по-прежнему некая абстрактная сила, вершащая людские судьбы. Кто-то вообще предпочитает на эту тему "не париться".

Нынешние монастыри отличаются от прежних, на мой взгляд, большей открытостью: и для людей, которым посещение этой религиозной общины нечто вроде обычной экскурсии, и для того же технического прогресса. Набираю телефонный номер. Отвечают: "Монастырь"...

Со стереотипом, что монастыри — место, где сплошь ангелоподобные монахини-голубицы, чистые аки горлицы и воздушные, как персонажи фресок, только и делают, что молятся, лично я распрошлась уже давно. Помню пасмурный осенний день, когда шла по территории Шамардинской женской обители и навстречу мне попала молодая, в длинных чёрных одеждах женщина, ведущая под уздцы лошадь, запряжённую в телегу. За ними следовала другая служительница с большим тесаком в руке. Они подошли к огромной капустной плантации и начали срезать и грузить на телегу кочаны. Надо сказать, романтики в этой картине было мало: и в натруженных руках, и в сурово-неподвижных лицах, и в грубых, напоминающих кирзовые сапоги, башмаках. И хотя физический труд всегда был неотъемлемой частью жизни монахов, хотелось прежде всего увидеть тот необычный, светлый, струящийся божественное знание взор.

И этот свет я увидела, но намного позднее, совсем недавно, когда на территории Болховского

Оптина монастыря познакомилась с матерью Иоанной. Я увидела глаза, которые были обращены к Богу. В них читались мудрость, какая-то затаённая боль и бесконечная материнская нежность. Мать Иоанна приняла постриг не так давно, но стопы её судьба направила на этот путь, видимо, задолго до этого шага. До того как уйти в монастырь, женщина пятнадцать лет служила в орловском храме Михаила Архангела. Очень благодарна настоятелю отцу Владимиру, который был её духовным наставником.

Мать Иоанну мы повстречали близ скита, к которому она шла от монастыря с охапкой веток.

— Козам несусь, — сказала она и пригласила в жилище.

Прежде чем начать разговор, осведомилась, дала ли на нашу беседу своё благословение матушка-настоятельница? Таков устав: никакой самодеятельности, шаг влево, шаг вправо — только с разрешения. Пришлось звонить на сотовый матушке. Та благословила, предупредив, что не стоит смущать расспросами послушниц. Девушки во время нашей беседы с матерью Иоанной сидели в своей комнате за шторой тихо, словно мышки. Один раз только кому-то из них позволили на мобильник. Мелодия была тихая, переливчатая.

Скит в данном случае был обычным деревянным домом, правда, с небольшим крестом на коньке. В длинном узком коридоре вдоль окон висели и сохли пахучие укропные пучки для засолок на зиму. Из окна виднелся огород с картофельными грядками и несколько яблонь. Из живности на монашеском подворье

— куры, четыре козы и корова.

Кстати, сами монастыри раньше называли "небесными подворьями". Вот такие вот религиозно-хозяйственные островки, утвердившиеся, словно между небом и землёй, гармонич-

но соединившие небесные молитвы и земные труды.

Возрождение монастырей — это некий знак особого Божьего промысла. Это своего рода ответ небес земным грехам, расцветшим в последнее время особенно буйным цветом. Не надо быть ни ханжой, ни моралистом, чтобы заключить: современный мир дошёл до пика духовного оскудения и расхристанности. Конечно, наивно было бы предполагать, что все заблудшие души сразу бросятся в духовные лечебницы, коими по сути своей являются монастыри, но сам факт существования "небесных подворий" — это мощный сдерживающий окончательное духовное падение фактор. Они опровергают ту мысль, что, дескать,

не осталось ничего святого. Осталось.

— Мне часто приходится ездить по стране, — говорит настоятельница Болховского Оптиного женского монастыря матушка Евфалия. — Я бываю на богослужениях в храмах и вижу огромное количество воцерковлённой, серьёзно относящейся к православию молодёжи. Многие, вступая на этот путь, находят не только Бога, но и друг друга, создают крепкие семьи. В былые времена, когда мы не убивали своих детей, семьи были большие, многодетные, и считалось счастьем для всего рода, если один ребёнок посвящал свою жизнь Богу. В старину в монастыри чаще шли смолоду, в целомудрии. Сейчас — всё больше на закате своей жизни. Покаявшись и очистив-

шись, мы несём Богу свои останки.

Не секрет, что большинство из нас вспоминают о Боге, когда случается какое-нибудь горе. Мы просим прощения или терпения, каемся или бунтуем. Некоторые совершают нечто вроде душевной сделки, дают обет служения в обмен на здоровье или жизнь близкого человека. Чаще всего это делают матери, чтобы спасти своих детей.

Наверное, не так уж важно, какими путями люди приходят к вере. Главное, что приходят.

— Видимо, надо изначально иметь какой-то особенный характер, чтобы впоследствии найти в себе силы от многого отречься, воспитать внутреннюю дисциплину, обрести смирение, — говорю я.

— Господь сам всё сделает, — отвечает мать Иоанна. — Постепенно, потихонечку освободит от греховных помыслов. Правда, главного человеческого греха — гордыни — лично во мне с самых малых лет не было. Всегда словно под пятой была: в детстве строгую мать боялась, в молодости — начальства. Мужей только не боялась: ни первого, сурового, ни второго, что помягче был.

При упоминании о семье захотелось узнать, не обрываются ли у монашествующих людей отношения с детьми, например? Со своими сыновьями мать Иоанна изредка видится, но хождения в мир, по её словам, лишают её внутреннего равновесия, которое приобретает она в монастыре.

Размеренная жизнь, неизблемый распорядок дня с ежедневными утренними "полуношницами" да вечерними "правилами" (так называются службы) дисциплинируют, дарят душе спокойный, природный ритм. Есть днём часа полтора и на отдых. А так всё в молитвах и трудах.

Кто-нибудь скажет, что молиться и трудиться можно и не уходя в монастырь, что библейские заповеди можно соблюдать, ведя обычную жизнь, работая и воспитывая детей. Только, как ни крути, в монастырях чище, чем в миру. Да и искушений меньше. Хотя есть поговорка, что за мирянином один бес ходит, за монахом — трое, а за пустынником — семеро. Но кто объяснит, почему однажды человек понимает, что в миру ему становится тяжело дышать, что вся любовь, на которую он только способен, переплавляется в одно желание славить имя Господне? Тайна сия велика есть.

Ангела САЗОНОВА.

